

А. Г. Фастов, Д. В. Бойко

СПЕЦИАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКИЕ ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В ДИСКРЕЦИОННОМ ПРАВОПРИМЕНЕНИИ

В статье рассматриваются специально-юридические гарантии обеспечения законности в правоприменении по усмотрению. Даются краткий анализ и характеристика следующих правовых явлений: пределов правоприменительного усмотрения, правовой цели, правовых принципов, правовых презумпций и фикций, типов и методов правового регулирования, компетенции органов и должностных лиц.

Ключевые слова: специально-юридические гарантии законности, дискреционное правоприменение, пределы правоприменительного усмотрения, правовая цель, правовые принципы, правовые презумпции и фикции, тип и метод правового регулирования, компетенция органов и должностных лиц.

A. G. Fastov, D. V. Boyko

SPECIAL LEGAL GUARANTEES OF ENSURING LEGALITY IN DISCRETIONARY LAW ENFORCEMENT

The article draws attention to special legal guarantees of ensuring legality in law enforcement at discretion. The authors represent a brief analysis and characteristics of the following legal phenomena: limits of law-enforcement discretion, legal purpose, legal principles, legal presumption and fiction, types and methods of legal regulation, competence of agencies and officials.

Keywords: special legal guarantees of legality, discretionary law enforcement, limits of law-enforcement discretion, legal purpose, legal principles, legal presumption and fiction, type and method of legal regulation, competence of agencies and officials.

Правовое усмотрение представляет собой специфическое объективное явление, в правовом регулировании предполагающее, помимо общих и правовых гарантий, особые средства, методы и процедуры, которые можно обозначить как специально-юридические гарантии законности дискреционного правоприменения.

Специально-юридической гарантией выступают нормативные *пределы правоприменительного усмотрения* (употребленные ниже понятия «предел» и «граница» рассматриваются нами как синонимы).

Анализируя проблему индивидуального правового регулирования применительно к современному российскому административному праву, И. А. Минникес пишет, что «наиболее значимой здесь представляется проблема определения пределов этой свободы, установления границ правоприменительного усмотрения, возможно, и разработка правил принятия решения в ситуации, допускающей варианты поведения. Причем эти границы не

могут быть беспредельными и не должны быть неоправданно стеснены. Пока эти отношения урегулированы законодателем в лишь самых общих чертах» [1, с. 327].

Связь пределов усмотрения и гарантий законности была отмечена рядом исследователей. Так, И. Н. Сенякин обращает внимание на то, что «пределы судебного усмотрения следует рассматривать как гарантии вынесения по делу правосудного решения, защищающего его добросовестных участников» [2, с. 39].

На значимость проблемы пределов правоприменительного усмотрения указал в своем исследовании А. А. Березин. Он отмечает, что «пределы правоприменительного усмотрения представляют собой установленные посредством особого правового инструментария границы, в рамках которых субъект правоприменения на основе комплексного анализа обстоятельств юридического дела уполномочен вынести оптимальное решение с точки зрения принципов

законности, справедливости и целесообразности» [3, с. 16].

Несмотря на то, что усмотрение часто используется в ситуации отсутствия конкретной правовой нормы, это еще не означает, что проблема решается за пределами права. Если бы это было так, то правоприменитель бы при этом совершил грубую ошибку: вмешивался в сферы, которые правом не регулируются. Однако в действительности это вполне возможно, например, когда то или иное должностное лицо пытается разрешить проблемы, возникающие в сфере морали, этики, моды, искусства и т. п. В общем, это является недопустимым и граничит с правонарушением, которое можно называть самоуправством. Даже в ситуациях отсутствия нормы право регулирует правоприменение по усмотрению, устанавливая определенные пределы действий правоприменителя как отчетливо, например, при относительно-определенной санкции, так и опосредованно, при помощи указания на цель, принципы, компетенцию, доступные правовые средства.

Л. Н. Берг в исследовании, посвященном пределам судебного усмотрения, представляет их как правовые рамки, установленные управомоченными субъектами с помощью правовых юридических средств, четко ограничивающих объем применения права [4, с. 21, 22].

Таким образом, по нашему мнению, *правовыми пределами правоприменительного усмотрения являются официально закрепленные положения, определяющие границы, в рамках которых принимается решение в ситуации усмотрения.*

Например, стандартная санкция статьи уголовного закона «от и до» и устанавливает пределы для усмотрения судьи. Развитие законодательства (как по объему, так и качественно) должно приводить в том числе и к установлению этих пределов. То есть эти пределы не зависят от обстоятельств дела, а действуют во всех случаях, рассчитаны на неоднократное применение. Наличие в законодательстве четко установленных пределов правоприменительного усмотрения является одним из условий, гарантирующих законность правоприменительного усмотрения.

Пределы правоприменительного усмотрения можно классифицировать по различным основаниям: происхождению, отраслям права, в

зависимости от функционального признака, по количеству альтернатив, способу закрепления, в зависимости от стадий правоприменительного процесса и по степени определенности.

Следующими специально-юридическими гарантиями законности правоприменения по усмотрению являются *правовая цель и принцип целесообразности.*

Составной частью любой сознательной человеческой деятельности непременно должна быть цель. Цель — это то, ради чего осуществляется какая-либо деятельность. Цель — категория социальная и субъективная. Однако люди живут в объективных условиях и ставить себе цели могут только исходя из объективных возможностей, а в процессе реальной человеческой деятельности цель из субъективной переходит в категорию объективную.

Правовая цель подразумевает конечный результат, к которому стремится правоприменитель, осуществляющий дискреционные полномочия в правовых рамках.

Специалисты пишут следующее о важности цели для уголовно-процессуальной деятельности: «Цель уголовного судопроизводства важна. Объективно необходимая цель мобилизует органы раскрытия и расследования преступлений, делает их деятельность целенаправленной» [5, с. 147].

Цель приводит в единство законодательную и правоприменительную деятельность. Как отмечает А. П. Коренев, «если орган на основе административного усмотрения принимает акт, содержание которого не соответствует цели законодателя, то такой акт признается незаконным. Следовательно, если в норме указана цель, но не указаны способы ее достижения, то субъект применения обязан действовать по своему усмотрению в соответствии с этой целью. Цель законодателя и цель субъекта правоприменения должна быть одина» [6, с. 79]. Такой же точки зрения придерживается Ю. П. Соловей: административное усмотрение призвано способствовать принятию оптимального решения, т. е. максимально полно обеспечивающего достижение установленных правом целей [7, с. 7]. Уточняя данное положение, важно обратить внимание на то, что правовая цель выступает не только определенным ограничителем дискреционного правоприменения,

но и выполняет функцию некоего критерия административного усмотрения.

От понятия «цель» происходит юридический термин «целесообразность». В научных работах указывается, что термин «целесообразный» понимается как внутренне оправданный, соответствующий поставленной цели, разумный, практичный, рациональный [8, с. 18].

М. В. Бавсун и А. И. Марцев, исследуя принцип целесообразности в уголовном праве, отмечают: «Применение закона без его толкования, основанное исключительно на его букве, невозможно в силу прежде всего несовершенства самого закона, а также отсутствия у законодателя реальной возможности предусмотреть все многообразие жизненных условий, которые будут сопутствовать его практической реализации. Соответствие целесообразности означает соответствие общему духу, идее закона» [9, с. 96].

Вместе с тем в управленческой деятельности встречаются случаи отмены законных актов управления ввиду их нецелесообразности. Соотношение между законностью и целесообразностью есть соотношение между требованием точного исполнения предписаний административно-правовых норм и оперативной самостоятельностью правомочного субъекта в применении норм, позволяющей ему учитывать все обстоятельства конкретной ситуации, которая возникла в процессе управленческой деятельности» [6, с. 67, 68].

Здесь возникает важный вопрос: имеет ли правоприменитель право не исполнять явно нецелесообразный закон? Н. Н. Вопленко пишет, что «правоприменитель, рассматривая конкретное дело, обязан руководствоваться соображениями целесообразности в рамках законности. Законность сама устанавливает границы и критерии целесообразности в юридической деятельности» [10, с. 686].

Таким образом, на наш взгляд, целесообразность означает здесь предоставление правоприменителю в рамках реализации дискреционных полномочий возможности действовать с наибольшей эффективностью для достижения определенной цели, однако в рамках правовой нормы, содержащейся в законе.

Инструментами для регулирования правоприменительного усмотрения могут быть абстрактные правовые положения —

общеправовые принципы. Эти принципы закреплены как в конституции страны, так и в федеральном законодательстве, обычно в общих частях законов, которые в основном являются главными источниками в конкретной отрасли права.

Общеправовые принципы — это основные исходные положения, свойственные праву в целом, всему механизму правового регулирования [11, с. 86].

О значении принципов права в регулировании пределов правоприменительного усмотрения пишет и Е. В. Скурко. По ее мнению, принципы права — «отражение в категориях правового сознания, образе правового мышления профессионального юриста моральных норм юридического сообщества, обобщающих правила, определяющие собой границу и формы перехода общественных отношений — в правовые, фактов и событий — в юридические факты и субъективные права (т. е. „очерчивающие“ в „сфере права“ конкретные правопритязания)» [12, с. 33].

В. Г. Антропов выделяет следующие принципы реализации правоприменительного усмотрения:

- доктринальности (правоидеологического обоснования);
- справедливости (нравственности);
- логичности;
- целесообразности;
- непредубежденности;
- беспристрастности [13, с. 20].

Однако это в большей степени доктринальные представления о системе принципов, и не все из них закреплены в правовых актах.

О значении правовых принципов как ограничителей судебного усмотрения пишет и Л. Н. Берг: «Произвольность судебного усмотрения ограничивается применением общеправовых, межотраслевых, отраслевых принципов права в судебной практике при разрешении конкретного юридического дела. Разностороннее и глубокое исследование сути и диалектики сочетания общеправовых, межотраслевых, отраслевых принципов права и практики правоприменительной деятельности необходимо для повышения эффективности работы органов, применяющих нормы права, для решения важнейших правовых проблем, в том числе для ограничения пределов судебного усмотрения» [4, с. 24].

Особую значимость эти принципы приобретают при применении права по аналогии. В п. 4 ст. 1. Гражданского процессуального кодекса РФ говорится: «В случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, федеральные суды общей юрисдикции и мировые судьи (далее — суд) применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действуют исходя из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогия права)» [14].

Отдельно стоит выделить *принцип разумности* как специально-юридическую гарантию законности дискреционного правоприменения. Он не имеет пока широкого распространения в современной российской правовой системе и не включается в перечень общеправовых принципов.

Однако практика Европейского суда по правам человека наряду с другими вводит это новшество и в правовую систему нашей страны. Используемый довольно широко Европейским судом принцип разумности предполагает разумное обоснование, разумные сроки, разумное вмешательство и т. п. Появилось также выражение «разумные действия при осуществлении дискреционных полномочий». Как нам представляется, в данном случае речь идет не о каком-то новом критерии, а о совокупности таких известных нам принципов, как законность, целесообразность и обоснованность. Причем, так как Европейский суд не отдает приоритет законности в смысле формального следования национальному законодательству, то разумность скорее всего ближе к таким понятиям, как целесообразность и обоснованность. Кроме того, сюда могут быть введены дополнительные моменты, такие как: определенность, юридическая ясность норм, сбалансированность интересов личности и государства, «равенство оружия», равная защита законом и т. п. [15, с. 2—5]. Следует согласиться с мнением, высказанным А. Алексеевым: «...что касается критерия разумности, то к нему пора привыкать как российским законодателям, так и правоприменителям» [16, с. 5].

Данный критерий уже вошел в систему гражданского и гражданско-процессуального права. Например, п. 3 ст. 1101 Гражданского кодекса РФ (часть вторая) [17] содержит правила

определения судом размера компенсации морального вреда с учетом требования разумности, в ст. 5 Семейного кодекса РФ [18] говорится о возможности урегулирования отношений между членами семьи на основе принципов гуманности, разумности и справедливости при отсутствии соответствующих норм в законодательстве.

Между тем законодательное определение разумности отсутствует. Это обстоятельство по-особому отражается на роли данного принципа в правоприменении. С одной стороны, критерий разумности предоставляет судье широкий простор для усмотрения, с другой — разумность предполагает наличие ограничений в рамках определенной свободы усмотрения. Как отмечает Л. В. Волосатова, «во-первых, установление начала разумности в Гражданском процессуальном кодексе РФ, тесно связанного с понятием свободы, а точнее с ее границами, вызвано желанием законодателя определить предел абсолютной свободы усмотрения судей, нередко ведущий к причинению вреда как интересам участников, так и правосудию

в целом. Во-вторых, закрепив принцип разумности в ГПК РФ, законодатель, таким образом, определил примерную границу законности, устанавливаемую по усмотрению суда, на основе сбалансированного учета прав, свобод и законных интересов всех участвующих в деле и иных лиц, а также целей, стоящих перед судопроизводством. Таким закреплением установлена и граница свободы усмотрения судей, мотив, лежащий в его основе, либо стандарт оценки» [19, с. 83, 84].

По нашему мнению, принцип разумности в дискреционном правоприменении предполагает, что решение по делу должно приниматься на основе здравого смысла, с учетом баланса интересов субъектов и достижения целей права.

Можно надеяться, что принцип разумности со временем займет подобающее ему место среди общеправовых принципов права и будет являться значимой гарантией законности в рамках реализации дискреционных полномочий.

С правовыми принципами тесно связаны такие правовые категории, как *правовые презумпции и фикции*, которые также выступают в качестве гарантий законности правоприменительного усмотрения. Их роль в правовом регулировании еще полностью не изучена, хотя и признается

достаточно большой. Правовая презумпция — это предположение, сделанное на основе имеющегося правового опыта, об относительной вероятности существования какого-либо правового факта. Важная особенность презумпций состоит в том, что они регулируют общественные отношения независимо от того, закреплены они в тексте правовой нормы или нет. Очень часто презумпции влияют на решения правоприменителя именно в ситуации дискреции. Так, например, А. П. Коренев пишет: «Существует презумпция, что всякий закон целесообразен, поскольку он официально не отменен и не изменен» [6, с. 68]. То есть данная презумпция требует четкого исполнения закона, даже если правоприменитель по тем или иным основаниям сомневается в его целесообразности и пытается найти варианты решить проблему согласно своему усмотрению. Таким образом, данная презумпция устраняет попытку принятия решения на основе субъективного мнения о выходе правоприменителя за рамки законности по основаниям, не предусмотренными правом, которые обычно лежат в основе представлений о целесообразности.

Например, установленный п. 7 ст. 3 Налогового кодекса РФ [20] принцип «Все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика (плательщика сборов)» узаконил презумпцию правоты налогоплательщика в случае, когда есть сомнения, противоречия и неясности налогового законодательства и они не могут быть устранены.

Кодекс тем самым закрепил указанную презумпцию в качестве средства ограничения негативного усмотрения в рамках деятельности компетентных налоговых (судебных) органов. Эта налогово-правовая презумпция служит гарантией законности и прав налогоплательщика, вступая в действие при неясности и неопределенности в налоговом законодательстве. Кроме данной, существует еще презумпция добросовестности налогоплательщика, которая закреплена в правовой позиции Конституционного суда РФ [21]. Эта презумпция также неоднократно использовалась в практике налоговых и судебных органов как средство ограничения негативного усмотрения.

Исследователи давно писали о роли презумпций в ограничении усмотрения и в других отраслях права. Так, Ю. В. Грачева отмечает, что уголовно-правовые презумпции используются для регулирования судебного усмотрения, так как в одних случаях презумпция может исключать какое-либо усмотрение полностью, а в других ограничивает его в определенных пределах [22, с. 26].

К понятию правовой презумпции близко понятие правовой фикции. Фикция — это прием юридической техники, заключающийся в том, что право императивно требует признавать какие-либо факты существующими или несуществующими безотносительно к объективной реальности. Значение фикции в правовом регулировании состоит в том, чтобы внести в него известную стабильность и устойчивость в таких ситуациях, когда сама жизнь такими качествами не обладает. В отсутствие фикций правоприменитель каждый раз сталкивался бы со сложной проблемой установления таких юридических фактов, которые объективно установить невозможно, поэтому это вело бы или к произвольным решениям, или оставляло бы ситуацию неурегулированной. По данному вопросу оправданной точки зрения придерживается

Ю. В. Грачева, когда пишет, что «фикция как средство (прием) законодательной техники является одним из тех инструментов в руках законодателя, посредством которого возможно исключение судебного усмотрения из процесса правоприменения» [22, с. 26]. То есть правовая фикция заполняет пробел в правовом регулировании и тем самым ограничивает усмотрение правоприменителя, делая его действия законными.

Тип и метод правового регулирования также выступают в качестве специально-юридических гарантий законности правоприменительного усмотрения.

В учебниках по теории права обычно выделяется два типа правового регулирования: дозвольтельный и разрешительный, выражаемые формулировками «дозволено все, кроме запрещенного законом» и «запрещено все, кроме дозволенного законом». При этом разрешительный тип применяется к деятельности должностных лиц и органов власти.

Так, С. С. Алексеев пишет: «...значение разрешительного порядка, помимо прочего, заключается в том, что он может служить оптимальным способом упорядочивания деятельности государственных органов, должностных лиц, обеспечивающим введение властных полномочий в строгие рамки и существенно ограничивающим возможности произвольных действий» [23, с. 382].

Методы правового регулирования — это приемы юридического воздействия, их сочетания, характеризующие использование в данной области общественных отношений того или иного комплекса юридических средств [23, с. 370]. Выделяют централизованное (императивное) регулирование и децентрализованное (диспозитивное) регулирование. Первый метод правового регулирования применяется чаще всего в отраслях публичного права, второй — частного.

Можно утверждать, что «публичное и частное право устанавливают различные границы свободы волеизъявления своих субъектов. Если диспозитивные нормы частного права допускают открытый перечень вариантов поведения субъектов правоотношений, предполагающий свободу их воли, то альтернативные нормы публичного права ограничивают свободу волеизъявления субъектов правоотношений, устанавливая закрытый перечень вариантов поведения» [24, с. 35], поэтому особенности правоприменительного усмотрения для различных отраслей права различаются и в зависимости от того, к частному или публичному праву относится данная отрасль. То есть правоприменитель, выступающий в качестве представителя публичной власти, принимая решение по усмотрению, должен действовать в рамках той отрасли, в сфере которой он принимает решение: частного или публичного права. В области частного права он оказывается в значительной мере ограничен, так как частные права граждан в большей степени защищены и такие ситуации, как правило, прямо указаны в законе. Публичная же часть права более открыта для его действий, и здесь ограничений для правоприменительного усмотрения гораздо меньше.

Нормативное закрепление компетенции (полномочия) органов и должностных лиц, осуществляющих применение по усмотрению, также может выступать в качестве специально-

юридической гарантии законности их деятельности.

В юридической литературе компетенция определяется как совокупность установленных нормативными правовыми актами прав и обязанностей (полномочий) организаций, органов, должностных лиц, а также лиц, осуществляющих управленческие функции в коммерческих организациях.

Существует прямая зависимость между нормами, определяющими компетенцию, и качеством государственного управления.

Четко определенная компетенция органа или должностного лица является гарантией законности при применении дискреционных полномочий, потому что устанавливает такие границы их деятельности, как цель деятельности, предметы ведения, полномочия, иногда конкретные правовые средства, а также их ответственность за незаконные и нецелесообразные действия или бездействие, поэтому органы государственной власти, ответственные за установление компетенционных норм, должны особое внимание уделять их ясности, беспроblemности и эффективности [25, с. 161, 162].

В области правового регулирования существует несколько способов, или моделей, определения компетенции. Первый способ предполагает строгое и полное перечисление вопросов ведения полномочий и функций. При такой модели соблюдение законности в решении вопроса по усмотрению гарантировано в наибольшей степени. Комбинированный способ заключается в том, что к перечню добавляется формулировка «и иные вопросы, отнесенные к ведению данного органа или должностного лица». Такая модель дает возможность для расширительного использования права на усмотрение, провоцирует превышение полномочий и злоупотребление властью. Иногда в дополнение к указанным применяется способ, заключающийся в том, что в правовом акте органу прямо запрещаются определенные действия. Это может быть достаточно эффективным для профилактики правоприменительных рисков, так как эти запреты являются указателями, устанавливающими конкретные запреты на определенные действия правоприменителя.

Следует отметить, что в условиях проводящейся сейчас в стране административной

реформы развитие области регулирования компетенции является перспективным направлением упорядочивания дискреционного правоприменения, уменьшения правоприменительных рисков.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать ряд выводов.

Специально-юридические гарантии законности правоприменительного усмотрения — это специфические организационные средства и приемы, а также юридические институты, действие которых прямо и непосредственно направлено на достижение законности в правоприменительном усмотрении.

К специально-юридическим гарантиям законности дискреционного правоприменения относятся следующие правовые явления: пределы правоприменительного усмотрения, правовая цель и принцип целесообразности, правовые принципы, принцип разумности, правовые презумпции и фикции, тип и метод правового регулирования, компетенция органов и должностных лиц и правовые средства.

Список библиографических ссылок

1. Покровский И. А. Справедливость, усмотрение судьи и судебная опека // Вестн. права. 1899. № 10.
2. Административная юстиция: конец XIX — начало XX века: хрестоматия: в 2 ч. Воронеж, 2004. Ч. 2.
3. Минникес И. А. Элементы индивидуального регулирования в административном праве (теоретические аспекты) // Черные дыры в рос. законодательстве. 2008. № 2.
4. Сенякин И. Н. Соотношение судебного усмотрения и законности в частном праве // Вопр. теории государства и права. Саратов, 2007. Вып. 6.
5. Березин А. А. Пределы правоприменительного усмотрения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
6. Берг Л. Н. Судебное усмотрение и его пределы (общетеоретический аспект): автореф. дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008.
7. Краткий очерк истории философии / под ред. М. Т. Иовчука [и др.]. 4-е изд. М., 1981.
8. Павленко А. П., Печников Г. А., Шуман В. И. О значении цели в уголовно-процессуальном законе // Вестн. СГАП. 2005. № 3.
9. Коренев А. П. Нормы административного права и их применение. М., 1979.
10. Соловей Ю. П. Усмотрение в правоприменительной деятельности советской милиции: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1982.
11. Боннер А. Законность и целесообразность в гражданском судопроизводстве // Сов. юстиция. 1979. № 1.
12. Вопленко Н. Н. Социалистическая законность и применение права. Саратов, 1983.
13. Бавсун М. В., Марцев А. И. Целесообразность в уголовном праве // Правоведение. 2003. № 3.
14. Вопленко Н. Н. Очерки теории права. Волгоград, 2009.
16. Фастов А. Г. Теория государства и права: краткий курс лекций. Волгоград, 2005.
17. Скурко Е. В. Принципы права в современном нормативном правопонимании. М., 2008.
18. Антропов В. Г. Правоприменительное усмотрение: понятие и формирование (логико-семантический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1995.
14. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
15. Карпов Н. Уроки Страсбурга: на пути к гармонизации правовых отношений между государством и гражданином // Законность. 2009. № 2.
16. Алексеев А. Презумпции против коррупции // Законность. 2008. № 4.
17. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
18. Семейный кодекс РФ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
19. Волосатова Л. Сущность принципа разумности в гражданском процессе // Право и жизнь. 2005. № 82.
20. Налоговый кодекс РФ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
21. По ходатайству Министерства Российской Федерации по налогам и сборам о разъяснении постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 октября 1998 г. по делу о проверке конституционности п. 3. ст. 11 Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации»: определение Конституционного суда РФ от 25 июля 2001 г. № 138-О // СЗ РФ. 2001. № 32. Ст. 3410.
22. Грачева Ю. В. Судейское усмотрение в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
23. Алексеев С. С. Право: азбука—теория—философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999.
24. Дорохин С. В. Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект. М., 2006.
25. Фастов А. Г., Бойко Д. В. Законность и усмотрение в правоприменительной деятельности: вопросы теории: моногр. Волгоград, 2012.